

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Устинов)

ПРАПЕРМСКИЕ АФФРИКАТЫ В СОВРЕМЕННЫХ УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ *

1. В системе консонантизма современного удмуртского языка аффрикаты составляют, пожалуй, наиболее слабую (неустойчивую) ее подсистему. Это находит выражение в том, что

во-первых, в современных диалектах фонологически функционирует различное количество аффрикат: от 4 в большинстве из них до 0, например, в говоре отдельных населенных пунктов кукморского диалекта;

во-вторых, весьма разнообразны в диалектах правила дистрибуции аффрикат в фонетической структуре слова;

в-третьих, двумя вышеназванными факторами обусловливается исключительная пестрота и сложность междиалектного корреспондирования аффрикат как между собой (напр., велярных с палатальными), так и с другими согласными (щелевыми и/или смычными);

в-четвертых, правила корреспондирования аффрикат весьма неустойчивы и вариативны — они меняются не только в пределах диалекта или говора, но и в речи жителей соседних деревень или даже одного и того же населенного пункта. Так, летом 1986 года во время полевой практики студентов по удмуртской диалектологии были записаны в Сюмсинском районе Удмуртской АССР (срединные — прикильмезские — говоры) следующие формы: *kočo* (удм. лит. *kočo*) 'сорока' ~ *uči* (удм. лит. *yčy*) 'соловей' (д. Маркелово); *žužit* (удм. лит. *жужыт*) 'высокий' ~ *žžič* (удм. лит. *жыж*) 'истлевший, сопревший (о ткани, коже)' ~ *žušte* (удм. лит. *жуштэ*) 'стонет, кряхтит', *čiže* (удм. лит. *чыже*) 'метет, подметает' ~ *čuž* (удм. лит. *чуж*) 'желтый' (д. Туканово); *čičiz* (удм. лит. *чыжиз*) 'он пнул' (д. Вылынгурт) ~ *čičiz* (д. Сюмсийыл) ~ *čičiz* (д. Урозай); *čičit* (удм. лит. *чыжыт*) 'румяный' (д. Маркелово, Туканово) ~ *čičit* (д. Сюмсийыл) ~ *čičit* (д. Вылынгурт, Малые Сюмси, Урозай) и др. Нами зафиксирован уникальный случай вариативного употребления различных аффрикат и щелевых в небольшом устном рассказе Байметовой Гильзебер Бектаевны (1910 года рождения, д. Старый Канисар Кукморского района Татарской АССР, магнитофонная запись 1967 г.): *žät* ~ *žät* (вместо ожидаемого кукм. *žät* < праудм. *žit > удм. лит. *жыт*) 'вечер, вечером', *čikna* ~ *čikna* ~ *šukna* (вместо ожидаемого кукм. *šukna* < праудм. *čikna > удм. лит. *чукна*) 'утро

* Дополненный и переработанный текст доклада, прочитанного на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985).

утром' и др. Непоследовательность употребления аффрикат в приведенных примерах (количество последних можно было бы намного увеличить) отражает не столько особенности идиолекта информантов (ныне покойная Г. Б. Байметова, к примеру, в совершенстве владела нормами родного диалекта), сколько незавершенность процесса изменения и неустойчивость рассматриваемой группы согласных в консонантизме соответствующих диалектов.

Все эти факторы свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что процесс перестройки системы финно-угорских аффрикат, начавшийся еще в общепермский период, в удмуртском языке (по крайней мере, в некоторых диалектах) продолжается и в наши дни. Отдельные моменты этого сложного процесса в пермских языках были уже рассмотрены специально или попутно в трудах некоторых финно-угроведов (Wichmann 1911; Toivonen 1929; Uotila 1933 : 21—36, 143—171, 303—311; Бубрих 1948 : 81—82, 96—97; Лыткин 1957 : 87—92, 116—119. И др.). Изыскания последних десятилетий в области удмуртского языкознания и публикации по удмуртским диалектам позволяют несколько уточнить и детализовать длительный процесс развития системы аффрикат в удмуртском языке.

2. Праудмуртский язык унаследовал от прапермского 4 аффрикаты, составлявшие (составляющие) коррелятивные пары по глухости/звонкости (*č/*č̣ и *č̣/*č̣̣) и веларности/палатальности (*č/*č̣ и *č̣/*č̣̣). Палатализованные č и č̣̣, встречающиеся в отдельных диалектах на месте палатальных č̣ и č̣̣̣, имеют, по всей вероятности, позднее происхождение (Кельмаков 1985 : 273—274).

Все аффрикаты, по-видимому, свободно функционировали во всех позициях праудмуртского корня: в начале, середине (преимущественно между гласными) и конце (см. таблицу, составленную на основе реконструкции праудмуртских корней доудмуртского (уральского, финно-угорского, финно-пермского и общепермского) происхождения, выявленных — разумеется, весьма приблизительно — в современных удмуртских диалектах).

Аффрикаты	Анлаут	Инлаут			Ауслаут	Всего
		(-)V-V(-)	(-)V-C(-)	-C-V(-)		
č (ч)	54—57	19—22	4—5	1	7—10	85—95
č̣ (ч̣)	36—37	7—8	12—13	—	10	65—68
č̣̣ (ч̣̣)	24—26	29	4	1	32	90—92
č̣̣̣ (ч̣̣̣)	25—28	23—24	1	—	25	74—78
Итого	139—148	78—83	21—23	2	74—77	314—333

Как показывает таблица, 1) наибольшей частотностью употребления аффрикат — в особенности глухих — отличался праудмуртский анлаут; 2) звонкие аффрикаты большей частью были распространены в конце и середине корня между гласными, глухие же в этих позициях встречались значительно реже; 3) в середине корня в сочетании с пре- или пост-положительными согласными аффрикаты употреблялись особенно редко. Правда, сочетания -Cč- и -Cč̣̣- могли выступать на стыке корня с согласным ауслаутом и суффиксов с инициальными č (ч) и č̣̣ (ч̣̣), например, -чы: нап-чы- 'сгуститься', бак-чы- 'займаться'; -ча: кут-ча- 'обувать, обувь', кок-ча- 'клевать'; -чи: вак-чи 'короткий', кап-чи 'легкий'; -зы: ляб-зы- 'ослабеть', пень-зы- 'испелиться, превратиться в золу', нумыр-зы- 'червиветь'; -зекты: жуй-зекты- 'замшеть, покрыться мхом', вой-зекты- 'выступать (о масле), замаслиться'.

Эти особенности распределения аффрикат в фонетической структуре

праудмуртского корня (и слова) отразили историю их происхождения, с одной стороны; а также в некоторой степени определили дальнейшую судьбу каждой в современном удмуртском языке в совокупности его диалектов, с другой.

3.1. Праудмуртские глухие аффрикаты в лексике допермского происхождения восходят, за редкими исключениями, к допермским глухим *č (‘*č) и *č̣, в общепермской лексике — к аналогичным прапермским согласным. Например, в анлауте:

*č̣-: чаг ‘лучина, щепка’ (мордЭ чев), чал-чал ‘тихо, безмолвно’ (венг. csillapodni ‘успокаиваться’), чапкыны ‘ударить (шлепнуть) ладонью’ (венг. csapni), чепыльтыны ‘ущипнуть’ (венг. csipni), чорыг ‘рыба’ (саам. čoarân), чольы ‘мизинец’ (эстЮ tsilli-) и др. (в нашем списке всего 34—36 слов допермского и 20—21 слово прапермского происхождения);

*č-: чашыны ‘ударить (поразить) молнией’ (саам. čuoccet), чог ‘кол, колышек’ (венг. csegely ‘клинообразное поле, луг, покос, остров’), чогыр-чогыр ‘густой, частый, щетинистый’ (мар. чока ‘густой (о волосах, траве)’), чож ‘утка’ (хант. čač и др. ‘дикая утка; селезень’) и т. д. (соответственно 19—20 и 17 слов);

в инлауте:

*-č̣-: ачим ‘я сам’ (фин. itse), бычы ‘пряжка (ремня)’ (мар. почкама ‘нагрудное женское украшение из серебряных монет’), зичы ‘леса’ (морд. пивезь), учкыл ‘шаг’ (фин. askel), лэчканы ‘качаться’ (фин. liesku, liet-sku ‘качели’) и др. (19—22 и 5—6 слов);

*-č-: нушы (сев. nuč̣) ‘колотушка, толкуша’ (фин. nuhja ‘дубина, палица’), вышкы (диал. vički) ‘кадка’ (мордЭ очко ‘корыто’), уйыс ‘клещи (хомута)’ (мордЭ ашко ‘хомут’), кукм. p̣äšḳäñör ‘притужальник (деталь ткацкого станка)’ (мар. почкынчаш ‘сучить, скручивать нитки’), ишкыны (диал. ičkinj) ‘теребить (лен), рвать (цветы, траву), щипать (пух)’ (хант. ič-) и др. (14—15 и 2—3 слова).

в ауслауте:

*-č̣-: зеч ‘хороший, добрый’ (марГ ёрыжлы ‘пригожий’), ? вочак (-ак — суффикс) ‘все, целиком’ (венг. össze ‘вместе’) и др. (3—5 и 2—3 слова);

*-č-: гай ‘прямо; выпятив грудь (напр., ходить)’ (венг. has ‘живот’), кый ‘петля’ (фин. kehä ‘круг, окружность’), пуй ‘жердь, шест’ (мар. пече ‘ограда, изгородь, загородка’) и др. (8 и 2 слова).

Лишь в незначительном количестве слов допермским предшественником праудмуртских (< прапермских) ин- и ауслаутных глухих аффрикат служат сочетания *-ñč̣- и *-nč̣-: пычкыны ‘выдавить, выдавливать (напр. нарыв)’ (мар. пунчалаш ‘выжимать’), лыч-: лычсузъыны ‘зудеть, чесаться; злорадствовать’ (?? марГ ланзыргаш ‘износиться’); куйо ‘пестрый, пегий’ (манс. хансән ‘пестрый, украшенный’), кушкыны ‘скучать, вспоминать с грустью; искать’ (манс. kinš-, kins- ‘охотиться, заниматься охотой; искать; молиться’) и некоторые другие. В подобных случаях закономерно было бы ожидать появления праудм. *č̣ и *č̣̣ (см. 3.2.2).

3.2. Происхождение праудмуртских звонких аффрикат значительно сложнее, нежели глухих: в различных позициях в слове они восходят к разным источникам. В ин- и ауслауте они произошли в общепермский период преимущественно двумя способами: 1) путем озвончения соответствующих допермских глухих аффрикат и 2) в результате деназализации сочетания глухих финно-угорских аффрикат с предшествующими носовыми согласными.

3.2.1. Спорадическое озвончение инлаутных глухих, в их числе и аффрикат, происходило в общепермский период между первым и вторым слогами. Такое происхождение, на наш взгляд, имеют праудм. * $\check{z}$ (-) < общеперм. * $\check{z}$ (-) | < доперм. * $\check{c}$ -, * $\check{s}$ -: *возьыны* 'держатъ; хранить' (эст. *vīzata* 'подстерегать, подкарауливать'), *зезьы* 'ворота, ворота из жердей; калитка' (хант. *sēsā, se's* и др. 'западня, ловушка для животных'), *зезьыны* 'пороть, распоротъ' (фин. *riitsiä*), *узьы* 'золовка' (венг. *öcs* 'младший брат; племянник') и др. (14 слов);

праудм. * $\check{z}$ (-) < общеперм. * $\check{z}$ (-) < доперм. * $\check{c}$ -: *мыжык* 'кулак' (хант. *tə tšək* и др.), *пужей* 'олень' (мар. *pūčō*, хант. *pē tššz* и др.), *вож* 'перекресток' (фин. *vita* 'косо, криво'), *куж* 'куделя, пакля' (фин. *kuitu, kuito* 'волокно, нить (конопли)'), *пужы* 'узор, орнамент' (саам. *piečtsad* 'пятно'), *нюжа* 'нить (волокна, пряжи), нитка; волосы, прядь; былинка' (нган. *hōtā* 'былинка, травинка') и др. (24 слова).

3.2.2. Деназализация сочетаний типа * $\check{n}\check{c}$ -, * $\check{n}\check{c}$ - (* $\check{n}\check{c}$ -), в результате которой появились в прапермский период звонкие аффрикаты, также происходила между первым и вторым слогами:

праудм. * $\check{z}$ (-) < общеперм. * $\check{z}$ (-) < доперм. * $\check{n}\check{c}$ - (* $\check{n}\check{c}$ -): *вазер* (*пинь*) 'клык' (манс. *añšér*), *кузьбыли* 'муравей' (венг. *hangya*), *нйзили* 'дождевой червь' (? нен. *нензэрць* 'ползатъ (о червяке), медленно двигаться'), *пöзьыны* 'вариться, кипеть' (манс. *rapš-* и пр.) и др. (10 слов);

праудм. * $\check{z}$ (-) < общеперм. * $\check{z}$ (-) < доперм. * $\check{n}\check{c}$ -: *выжы-* 'переходить, переправляться' (манс. *βunš-* и др.), *гижы* 'ноготь, коготь' (фин. *kynsi*, морд. *кенже*), *кожа-* 'думать, полагать' (манс. *khañši* и др. 'знать, узнать, познать'), *кужым* 'сила, энергия, мощь, могущество' (фин. *kunto* 'физическая сила, умение, сноровка') и др. (13—14 слов).

3.2.3. В отличие от праудм. * $\check{z}$, расположенного далее чем между первым и вторым слогами, которому в современном коми языке нередко соответствует идентичный согласный (напр. праудм. *zarež 'море' — коми *саридз*, праудм. *komež 'чеснок' — комиП *комидз*, праудм. *emež 'малина (ягода)' — коми *өмидз* и др.), праудм. * $\check{z}$ в аналогичной позиции не находит подтверждения в коми языке, ср. праудм. *kłrniž 'ворон' — коми *кырныш*, праудм. *kiriž 'косой, кривой' — коми *кырыш*.

Вполне вероятно, что $\check{z}$ распространился на данную позицию лишь в праудмуртский период (Uotila 1933 : 151), если не позднее (самостоятельно в отдельных диалектах).

3.2.4. Инициальные звонкие аффрикаты унаследованы праудмуртским языком из прапермского, где они возникли в результате спорадического озвончения первичных глухих (Лыткин 1957 : 87—90; 1968 и др.). По подсчетам В. И. Лыткина (1968 : 21—23), озвончением была охвачена лишь 1/6 часть всех возможных случаев, остальная часть (около 84%) допермской лексики сохранила первичный глухой анлаут. Этим и обусловлено то, что звонкие аффрикаты не могли иметь высокую частотность в прапермском анлауте; это, естественно, получило отражение и в праудмуртском языке. Результатом озвончения финно-угорских * $\check{c}$ - (* $\check{c}$ -) и * $\check{c}$ - являются звонкие аффрикаты в следующих словах:

праудм. * $\check{z}$ - < общеперм. * $\check{z}$ - < доперм. * $\check{c}$ - (* $\check{c}$ -): *зэрыт* 'бледный, блеклый' (венг. *szürke* 'серый'), *зиры* 'шарнир' (венг. *csir*), *зукыртыны* 'скрипеть, хрустеть' (хант. *tikra-* (4—5 слов);

праудм. * $\check{z}$ - < общеперм. * $\check{z}$ - < доперм. * $\check{c}$ -: *жажы* 'полка' (мордЭ *чоч-*

ко 'бревно'), *жоканы* 'задыхаться, задохнуться; зарастить; испортиться; сопреть' (хант *ṭṣācāptā* 'душить'), *жыжол* 'место под нарами' (хант. *ṭṣuṭṣ* 'насыпь в землянке, на которой сидят и лежат') (4 слова).

Однако частотность * $\check{z}$ - и * $\check{z}$ - в праудмуртский период несколько возросла по сравнению с прапермским за счет перехода анлаутного * r - в звонкие аффрикаты (Uotila 1933 : 47—50; Бубрих 1948 : 29, 81; ОФУЯ I 132—133):

* r - < * $\check{z}$ - перед $-V\check{z}(-)$ и $-V\check{c}(-)$: *žeg* (< праудм. * $\check{z}\check{u}\check{z}eg$) 'рожь' (коми *pydžög*, морд. *розь*), *žичы* (< праудм. * $\check{z}\check{u}\check{c}i$) 'лиса' (коми *pyч*, мар. *рывыж*, морд. *ривезь*) и др. (5—6 слов допермского и 3 слова общепермского происхождения);

* r - > * $\check{z}$ - (в остальных позициях): *žог* (< праудм. * $\check{z}eg$) 'быстро, скоро' (коми *регыд* то же, венг. *rég* 'давно, в старину'), *žуй(ы)* (< * $\check{z}uji$) 'мох, лишайник' (коми *рой*, мар. *регенче*), *жыж* (< * $\check{z}\check{z}$) 'истлевший, сопревший (о тканях, коже); ветхий' (коми *рыж* то же, фин. *raato* 'падаль, мертвечина') и др. (соответственно 4 и 12—14 слов).

4. Указанные выше праудмуртские особенности дистрибуции аффрикат относительно более последовательно сохранились в некоторых срединных говорах, в частности, в тех, которые распространены в Завьяловском, Якшур-Бодьинском, Увинском и других районах (см., напр., Тагакапов 1961 : 192—193; Тепляшина 1973 : 201—205; Бушмакин 1977 : 10—12; Загуляева 1977).

Однако нельзя преувеличивать архаичность срединных говоров относительно употребления ими аффрикат в структуре слова. Здесь следует обратить внимание на две важнейшие инновации, которые в неодинаковой мере распространены в различных говорах и которые чрезвычайно затрудняют использование этих пространственно-структурных единиц удмуртского языка в качестве ключевых при восстановлении синтагматики праудмуртских аффрикат — это, во-первых, мена анлаутных велярных аффрикат палатальными (подробнее см. 5.2) и, во-вторых, гиперкоррекция аффрикат.

На второе явление впервые обратил внимание Т. Утила в связи с сарапульской (ныне верхнеижской) формой *тежа* < рус. *межа*. Появление в этом слове незакономерного $\check{z}$ - на месте рус. $-ж-$ он объяснил как результат татарского посредничества (Uotila 1933 : 151). Однако с этим трудно согласиться, ибо в контактирующих с удмуртским языком татарских диалектах нет велярных аффрикат; палатальные же *ж* и *ч*, восходящие к пратюркским аффрикатам, имеют фрикативное произношение; к тому же появление вторичных аффрикат на месте щелевых характерно для отдельных срединных говоров. Так, по данным 1972 года, в говоре д. Киёнгоп Якшур-Бодьинского района (средневосточные говоры) произошла массовая субституция щелевых согласных русского языка близкими им удмуртскими аффрикатами: $\check{z}$ < *ж*: *abažur* < рус. *абажур*, *režim* < рус. *режим*, *urožaj* < рус. *урожай*, *blindāžož* 'до блиндажа' (ср. рус. *блиндаж*), *složnoj* < рус. *сложный*, *pudoživot* 'домашний скот' (ср. рус. *животина*, *животное*), *bagažnik* < рус. *багажник* и др.; $\check{c}$ < *ш*: *akičer* < рус. *акушер*, *soglač-a?* 'согласен?' (ср. рус. *соглаш-*: *соглашаться*, *соглашение*), *sučkaas* 'сушки, баранки' (ср. рус. *сушки*), *bačña* < рус. *башня* и т. д.;

$\check{z}$ < *з'*: *magāžin* < рус. *магазин*, *vazelin* < рус. *вазелин*, *beňžin* < *бензин*, *maž* < рус. *мазь* и пр.

Не лишено вероятия, что в отдельных срединных говорах мы имеем дело не только с сохранением особенностей праудмуртской синтагматики аффрикат, но и гиперкорректным распространением их за счет фрикативных не только в русских заимствованиях, но и в исконной лексике.

5. Совершенно противоположную тенденцию развития имели аффрикаты в остальных диалектах — в различной степени выраженную тенденцию к постепенному уменьшению сферы их употребления (вплоть до полного вытеснения другими согласными). В этом процессе ориентировочно можно выделить три этапа, получившие отражение в трех группах диалектов:

I — все аффрикаты сохранили фонематичность, но значительно сужена их дистрибуция (северное наречие, южный диалект южного наречия; литературный язык);

II — аффрикаты претерпели существенные парадигматические и синтагматические фонемные изменения (бесермянское наречие, часть периферийно-южных говоров, закамские говоры);

III — аффрикаты полностью утрачены (говоры отдельных населенных пунктов Кукморского района Татарской АССР — д. Важашур, Починок-Сутер и др.).

5.1. В северном наречии и южном диалекте звонкие корневые * $\check{z}$ и * $\check{z}$ сохранились лишь в анлауте, а в середине и конце слова заместились фрикативными:

* $\check{z}$ (-) > сев., южн. -ž(-): праудм. * $k\acute{o}z\check{i}$ 'горох' > сев., южн. $k\acute{e}z\check{i}$, * $ku\check{z}im$ 'сила, энергия, мощь' > $ku\check{z}im$, $ku\check{z}\acute{a}m$, * $\acute{e}z\acute{a}n$ 'долото, стамеска' > $o\check{z}on$, * $\check{z}u\check{z}it$ 'высокий' > $\check{z}u\check{z}it$, $\check{z}u\check{z}\acute{a}t$, * $p\acute{e}\check{z}$ 'мутный, грязный' > $po\check{z}$, * $u\check{z}$ 'работа, дело, труд; надобность' > $u\check{z}$, $\check{z}\acute{e}\check{z}$ 'грустный, печальный' > $\check{z}o\check{z}$ и т. д.;

* $\check{z}$ (-) > сев., южн. -ž(-): праудм. * $\check{z}u\check{z}i-$ 'хлебнуть, отпить' > сев., южн. $\check{z}u\check{z}i-$, $\check{z}u\check{z}\acute{a}-$, * $ki\check{z}er$ 'жидкий' > $ki\check{z}er$, * $p\acute{o}\check{z}i-$ 'вариться, кипеть' > $p\acute{e}\check{z}i-$, $p\acute{e}\check{z}\acute{a}-$, * $\check{z}\acute{e}\check{z}$ 'повод узды' > $\check{z}\acute{e}\check{z}$, * $ku\check{z}$ 'длинный, долгий' > $ku\check{z}$, * $\acute{t}e\check{z}$ 'луна, месяц' > $to\check{z}\acute{e}\check{z}$, $to\check{z}i\check{z}$ и др. Однако в инлауте производных слов с суффиксами - $\check{z}y$, - $\check{z}ekty$ (см. 2) аффриката $\check{z}$ сохранилась.

Глухие * $\check{c}$ и * $\check{c}$ в инлауте между гласными и в ауслауте оказались более устойчивыми; они подверглись деаффрикации в следующих случаях:

1) между первым и вторым слогами при наличии $\check{c}$ в анлауте (аффриката * $\check{c}$): * $\check{c}u\check{c}i-$ 'вытирать' > $\check{c}u\check{s}i-$, $\check{c}u\check{s}\acute{a}-$, * $\check{c}\acute{e}\check{c}$ 'вместе, совместно; враз, одновременно' > $\check{c}o\check{s}$ и др.;

2) в сочетаниях с постпозитивным согласным (аффриката * $\check{c}$): * $bi\check{c}ka-$ 'колоть' > $bi\check{s}ka-$, $b\acute{a}\check{s}ka-$, * $\check{z}\check{c}ki-$ 'рвать, дергать, теревить' > сев. $i\check{s}ki-$, $i\check{s}k\acute{a}-$, южн. $i\check{s}ki-$, $i\check{s}k\acute{a}-$, $i\check{s}ki-$, $\acute{a}\check{s}k\acute{a}-$, * $\check{v}i\check{c}ki$ 'кадка' > $\check{v}i\check{s}ki$, $\check{v}\acute{a}\check{s}k\acute{a}$ и др.; (аффриката * $\check{c}$ — в южных говорах): * $pa\check{c}kes$ 'плоский, сплюснутый' > $pa\check{s}kes$, * $l\acute{o}\check{c}ka-$ 'качаться (на гибкой доске)' > $le\check{s}ka-$, $le\check{s}ka-$, $po\check{s}ta$ < рус. *почта*, *ра́ска* < рус. *пачка* и др.;

3) в некоторых говорах южного диалекта (кырыкмасские, нижеижские) — ауслаутная аффриката * $\check{c}$: $\check{z}\acute{u}\check{c}$ 'русский' > $\check{z}u\check{s}$, * $ke\check{c}$ 'заяц, коза' > $ke\check{s}$ и др. В речи отдельных информантов (кырыкмасские говоры) в подобных словах возникло позиционно обусловленное чередование: - $\check{c}$ - (между гласными) // - $\acute{s}$ (-) (в конце слова и(ли) в середине перед согласным): $\check{z}u\check{c}en$ '(с) русским' // $\check{z}u\check{s}$ 'русский', $\check{z}u\check{s}l\acute{a}$ 'русскому';

žēče 'хороший (ты) мой' // *žēs* 'хороший, добрый', *žēškān* 'по-доброму, по-хорошему'.

5.2. Перечисленные выше случаи синтагматической утраты аффрикат более последовательно встречаются и в диалектах II группы, однако в последних процесс вытеснения рассматриваемых согласных развернулся шире, охватив и другие позиции. Так, в этих диалектах полностью вышли из употребления велярные аффрикаты; замещение их в различных позициях другими согласными (щелевыми, смычными согласными или палатальными аффрикатами) происходило следующим образом:

1) ин- и ауслаутная *č во многих периферийно-южных говорах и языке бесермян перешла в š, в закамских говорах заместилась č̣ (или сохранилась č): праудм. *keča 'сорока' > кукм., татш., бес. *košo*, зак. *kočo* (*kočo*), праудм. *kūča 'пестрый, пегий' > кукм., татш. *kušo*, бес. *kāšo*, зак. *kīčo* (*kīčo*); праудм. *meč 'крутой' > кукм., татш., бес. *meš*, зак. *meč* (*meč*), праудм. *poč 'жердь, шест' > кукм., татш., бес. *puš*, зак. *puč* (*puč*);

2) качество заместителей анлаутных *ž и *č зависело от фонетического окружения:

а) в обычных условиях они, как правило, субституировались щелевыми ž- и š-, в закамских говорах *č- > č̣-;

	праудм.	татш.	кукм.	бес.	зак.
*žók	'стол'	žók	žók	žek	žek
*žlt	'вечер'	žāt	žāt	žāt	žīt
*člŋ	'дым'	šāŋ	šāŋ	šān	člŋ
*čet	'часто'	šem	šem	šem	čet и др.;

б) перед -Vž(-) и -Vš(-) они замещались палатальными аффрикатами (татш., зак.), палатальными смычными (бес., кукмВ) или слабо аффрицированными ṭ (= ṭ̣ и ḍ (= ḍ̣)) (кукм.):

	праудм.	татш.	зак.	бес.	кукмВ	кукм.
*žaẓi	'полка'	žaẓž	žaẓi	dažž	dažž	ḍžaẓž
*žuš	'желудок'	žuš	žuš	duš	duš	ḍžuš
*čož	'утка'	čož	čež	tež	tōž	ṭčož
*čeč	'вместе'	čoš	čoš	toš	toš	ṭčoš

Диссимилятивная палатализация аффрикат под влиянием дистантно следующих ž и š известна и другим пермским диалектам; исследователи отмечают ее в верхнеижских (Тепляшина 1973 : 202—204), прикильмезских (Загуляева 1977 : 80—81) говорах удмуртского языка и некоторых диалектах коми (Лыткин 1957 : 116—119); мена ž- > ḍ-, č- > ṭ- в этой позиции менее распространена.¹

Итогом второго этапа в развитии аффрикат в удмуртских диалектах явились синтагматические фонемные изменения велярных аффрикат, которые привели к выпадению последних из системы консонантизма соответствующих диалектов II группы и одновременно к увеличению частотности палатальных, особенно č̣ (ч). Кстати, следует заметить, что экспансия палатальных аффрикат в отношении велярных имеет место в

¹ Т. И. Тепляшина (1970 : 244) сочла это явление специфической чертой только бесермянского наречия, однако наши данные не вполне согласуются с этим мнением (Кельмаков 1969 : 227—228).

самых различных удмуртских диалектах. Так, в говоре бесермян д. Ворца (Ярский район Удмуртской АССР) анлаутная велярная аффриката $\check{z}$ ($\check{z}$) в любой позиции заместилась палатальной $\check{z}$ ($\check{z}$), например: *žyaz* (удм. лит. *žyaz*) 'он сгорел', *žtaž'az* (удм. лит. *žytažyaz*) 'вечером, к вечеру', *žokal'lam* (удм. лит. *žokalljam*) 'они, оказывается, задохнулись', *žoga'k*, *žog* (удм. лит. *žogak*, *žog*) 'быстро, спешно' и др. (Федотов 1982 : 118, 124).

Спорадическая палатализация (частичная или полная) обеих велярных аффрикат была уже отмечена нами в говоре отдельных населенных пунктов Сюмсинского района (см. 1); в речи молодежи это явление, по-видимому, представлено более последовательно. От ученицы 7-го класса Меньшиковой Полины Аркадьевны (1972 года рождения, д. Туканово) нами были записаны следующие формы:

а) на аффрикату $\check{z}$ ($> \check{z}\check{z}$, $\check{z}|$ или $\check{z}$): *žžini* 'половина', *vajžž* 'оглобля', *kežži ~ keži* 'горох', *užž ~ uži* 'работа', *vižžiz* 'он переправился', *kužž ~ kuži* 'пакля', *meža ~ mežža* 'межа', *žžužžit* 'высокий', *žušte* 'стонет', *žžog ~ žog* 'быстро', *žžokit ~ žokit* 'душно', *žžek ~ žek* 'стол', *žžua ~ žua* 'горит', *žuk* 'каша', *žit* 'вечер' и др.;

б) на аффрикату $\check{c}$ ($> \check{c}\check{c}$, $\check{c}$ или $\check{s}$): *kučo* 'пестрый, пегий', *kečče* 'какой', *kočo* 'сорока', *pičč* 'блоха', *čiž* 'желтый', *ččočč ~ čoš* 'вместе, совместно', *čiže* 'метет, подметает', *ččuččiz* 'он вытер', *ččižit* 'румяный', *čem* 'часто', *čog* 'кол', *čukna* 'утро', *čin* 'дым' и т. д.

Палатальное произношение велярных аффрикат $\check{z}$ и $\check{c}$ — и не только в позиции перед $-V\check{z}(-)$ и $-V\check{s}(-)$ — заметила Т. И. Тепляшина (1961 : 133) и в шошминском говоре периферийно-южного диалекта («По сравнению с удмуртским литературным языком все четыре аффрикаты (*дж*, *д'з*, *ти*, *ч*) произносятся мягче. На письме можно обозначить их буквами *дъжъ*, *тъшъ*, *дъсъ*, *тъсъ*»), что было подтверждено — правда, весьма непоследовательно — и полевой практикой студентов, проведенной в Балтасинском районе Татарской АССР (1981 г.) и Мари-Турекском районе Марийской АССР (1982 г.), например (Балтасинский район): *čin ~ čin* 'дым', *čana* 'сорока' (д. Ярак-Чурма), *čču'na ~ ču'na* 'утро' (д. Гондрено), *učči* 'соловей', *koččo* 'сорока', *žžikit* 'собранный' (д. Верхние Ушмы); (Мари-Турекский район): *žžit* 'вечер', *žžini* 'половина', *žžute* 'поднимает', *žžuk* 'каша' ~ *žžok* 'стол', *ččiin* 'дым' ~ *čana* 'галка', *čču'na* 'утро' ~ *čikaže* 'завтра', *kečče* 'какой' ~ *kučo* 'пестрый, пегий' (д. Сихалеево), *čikaže* 'завтра', *ččoksanij* 'закрывать, затыкать', *kuččo* 'пестрый, пегий', *učči* 'соловей', *mečč* 'крутой' ~ *pičč* 'блоха' (с. Большой Карлыган).

Несколько палатальное произношение имеет анлаутная $\check{z}$ ($\check{z}$) не перед $-V\check{z}(-)$ и $-V\check{s}(-)$ и в бавлинском говоре (д. Покрово-Урустамак): *ž'uk* 'каша', *ž'ok* 'стол', *ž'оканы* 'задышаться, задохнуться', *ž'уаны* 'гореть', *ž'уйы* 'мох, лишайник', *ž'омыт* 'сумерки, сумрак, полумрак, потемки', *ž'октыны* 'мотать, смотать (о пряже)', *ž'ыты* 'половина', *ž'ыт* 'вечер' и др. Аффриката же $\check{c}$ ($\check{c}$) в инлауте между гласными и в начале слова не перед $-V\check{z}(-)$ и $-V\check{s}(-)$ регулярно замещена палатальной

ĉ (ч): чэм 'часто', чоґ 'кол', чы́пыны 'срубить сруб', чы́л 'дым', чок-с'у́зны 'поперхнуться', чабд'аны 'бить ногой, копытом о землю; копаться, рыться (о курах)', кочо 'сорока', кы́чэ 'какой?', пы́чаны 'впитаться, проникнуть, ввестись' (Алатырева 1986 : 21—22, 55—56, 61, 63, 75, 85—86).

5.3. Последний этап устранения аффрикат в удмуртских диалектах представлен, например, в говоре деревни Важашур (кукморский диалект), где произошла полная утрата системы прапермских аффрикат.

Характерные (и единственные) для диалектов II группы (в их числе и кукморского) палатальные аффрикаты $\check{z}$ и $\check{c}$ (велярные z и c вышли из употребления во II этапе), ограниченные в своем употреблении ани-инлаутом — между гласными ($\check{c}$) и в суффиксальных образованиях ($\check{z}$) — пережили дальнейший процесс замещения другими согласными.

1. Инициальные $\check{z}$ - и $\check{c}$ - при наличии в слове дистантно следующих фрикативных регулярно заместились палатальными смычными d - и t -:

а) d - < $\check{z}$ -: кукмВ *dus* 'лавица, скамейка' (удм. лит. *зус*), *dūs* 'русский' (*зуч*), *doskāt* 'узкий, тесный' (*зоскыт*), *dūsā* 'лиса' (*зичы*), *dežānā* 'пороть, распарывать, распороть' (*зезыны*), *dōsāranā* 'качаться (на качелях)', (*зечыраны*), *doz* 'кузнечик, кобылка' (*зоз*, *зозы*) и др.;

б) t - < $\check{c}$ -: кукмВ *teskāt* 'вкусный, сладкий' (удм. лит. *чеккыт*), *tūs* 'тихо, безмолвно' (*чус*), *fers* 'веретено' (*черс*), *tārās* 'кислый' (*чырс*), *tas* 'час, часы' (< рус. *часы*) и т. д.

2. В остальных случаях (при отсутствии вышеуказанного условия) палатальные $\check{z}$ и $\check{c}$ перешли в $ž$ и $š$:

а) (-) $ž$ - < (-) $\check{z}$ -: кукмВ *žek* 'рожь' (удм. лит. *зег*), *žardon* 'рассвет' (*žардон*), *žārđāt* 'горячий, пламенный' (*зырдыт*), *vāržānā* 'шевелинуться, сдвинуться, тронуться (с места)' (*вырзыны*), *kāržan* 'песня' (*кыржан*), *ulžānā* 'ожить; приняться (о саженцах)' (*улзыны*), *kolžo* 'колобок' (*колžo*) и др.;

б) (-) $š$ - < (-) $\check{c}$ -: кукмВ *šak* 'лучина, щепка' (удм. лит. *чаг*), *šorāk*, д. Нижняя Уча *šorēg* (Munkácsi 1896 : 324) 'рыба' (*чорыг*), *šūnā* 'жеребенок' (*чунны*), *šurāt* 'твердый, жесткий' (*чурыт*), *vakši* 'короткий, куций, кургузый' (*вакчи*), *piši* 'маленький' (*пичи*), *kušari* 'щенок' (*кучани*), *pešāt* 'острый (о режущих предметах)' (*лэчыт*) и т. д.

Этот случай деаффрикации палатальных аффрикат, периодически встречающийся и в языке бесермян (Тепляшина 1970 : 144—145), обусловлен, вероятно, влиянием татарского языка (Кельмаков 1974 : 59; Тараканов 1982 : 129).

6.1. Таким образом, унаследованная праудмуртским языком из общепермского языка (-основы) система из четырех аффрикат, имевших довольно свободную дистрибуцию в фонетической структуре праудмуртского слова, получила в современных диалектах две противоположные тенденции развития:

1) тенденцию к консервации древних синтагматических особенностей и даже к увеличению частотности употребления их за счет первичных гомоганных фрикативных ($\check{s}$, $\check{s}$, $\check{z}$ и $\check{z}$) не только в заимствованиях, но и, возможно, в исконной лексике (отдельные срединные говоры);

2) тенденцию к постепенному ограничению дистрибуции и уменьшению частотности, приведших в конечном счете и к парадигматической перестройке самой системы (остальные диалекты). Эта вторая тенденция — если представить ее весьма упрощенно — протекала в три этапа, соот-

ветственно получивших отражение в трех группах удмуртских диалектов.

6.2. При парадигматических и синтагматических фонемных изменениях аффрикат палатальные в целом оказались более устойчивыми, что, по-видимому, можно объяснить следующими факторами:

1) палатальные аффрикаты обладали общей высокой частотностью употребления, в особенности это касается *č* в самой сильной для аффрикат позиции — в анлауте;

2) частотность палатальных аффрикат, в особенности *č*, постепенно повышалась за счет иноязычных (русских, татарских и др.) заимствований;

3) они входили в состав определенных именных и глагольных словообразовательных суффиксов.

6.3. Велярные аффрикаты были менее устойчивыми, нежели палатальные, еще в прапермский период, о чем свидетельствуют, как нам кажется, следующие материалы:

удм. *гажаны* 'уважать', коми *гаж* 'веселье, желание, хотение': общеперм. **gaž-* (? **gaž-*) (КЭСК 74), *-*ž-* (Toivonen 1929 : 213) — ф.-у. *-*č-* (Toivonen 1929 : 208—214)

удм. *гыжы* 'ноготь, коготь', коми *гыж* то же: общеперм. *güžž (КЭСК 184), *-*ž-* (Uotila 1933 : 189; Toivonen 1929 : 219) — доперм. *künčə (КЭСК 84), *-*nč-* (Toivonen 1929 : 218)

удм. *жыж* 'истлевший, созревший (о коже, ткани)', коми *рыж* то же: общеперм. *rüžž (КЭСК 247), *-*ž(-)* (Toivonen 1929 : 214) — ф.-у. *-*č-* (Toivonen 1929 : 208—214)

удм. *кый* 'шелуха, кожица', коми *кыш* 'скорлупа, кожура, кожица, шелуха': *küš (КЭСК 155), *-*š* ~ -*š* (Uotila 1933 : 161) — ф.-у. *-*č-* (Toivonen 1929 : 208—214)

удм. *пужым* 'сосна; сосновый', коми *пожӧм* то же: общеперм. *požet (КЭСК 223), *-*ž-* (Toivonen 1929 : 219) — доперм. *penžä (КЭСК 223), ф.-п. *rečä (ОФУЯ I 428), *-*nč-* (Toivonen 1929 : 218)

удм. *чашйыны* 'ударить (поразить) молнией', коми *чашйыны* 'рвать, дергать, растерзать, растрепать'; общеперм. **čaš-* (КЭСК 303) — доперм. **čəčəž-* (КЭСК 303), *-*č-* (Toivonen 1929 : 208—213)

удм. *чӧж* 'утка', коми *чӧж* то же: общеперм. *čəž (КЭСК 310), *-*ž* (Toivonen 1929 : 219) — доперм. *čänčä (КЭСК 310), *čəpčəž (ОФУЯ I 417), *-*nč-* (Toivonen 1929 : 218) и т. д. (в нашем списке 19 слов).

Эта тенденция, в некоторой степени сохранившаяся и в коми диалектах, в удмуртском языке получила дальнейшее развитие и в результате действия различных синтагматических фонетических процессов (ассимиляция, диссимиляция и др.) и иноязычного влияния нашла в отдельных удмуртских диалектах свое логическое завершение.

Сокращения

бес. — бесермянское наречие удмуртского языка; доперм. — допермские (уральский, финно-угорский, финно-пермский) праязыки; зак. — закамские говоры удмуртского языка; кукм. — кукморский говор удмуртского языка; кукмВ — говоры д. Важагур, Починок-Сутер, Нижняя Уча и др. (кукморский говор); общеперм. — общепермский язык-основа, см. праперм.; праперм. — прапермский язык(-основа), см. общеперм.; сев. — северное наречие удмуртского языка; татш. — татышлинский говор удмуртского языка; ф.-п. — финно-пермский праязык.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырева Л. Л. 1986, Фонетические, морфологические и лексические особенности говора села П.-Урустамак Бавлинского района Татарской АССР. Дипломная работа (рукопись), Устинов.
- Бубрих Д. В. 1948, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск.
- Бушмакин С. К. 1977, Артикуляция и употребление некоторых согласных в средневосточных говорах удмуртского языка. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск, 9—17.
- Загуляева Б. 1977, Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка. — FU 4, 79—83.
- Кельмаков В. К. 1969, Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс. (рукопись), Москва.
- 1974, Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка. — Советская тюркология I, 52—60.
- 1985, К вопросу о праудмуртской системе согласных. — СФУ XXI, 272—280.
- Лыткин В. И. 1957, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, Сыктывкар.
- 1968, К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках. — СФУ, IV, 19—25.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974 (= ОФУЯ I).
- Тараканов И. В. 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюркские языковые контакты), Ижевск.
- Тепляшина Т. И. 1961, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола (Труды МарНИИ XV), 125—139.
- 1970, Язык бесермян, Москва.
- 1973, Заметки по верхнеижским удмуртским говорам. — Вопросы удмуртского языкознания II. Сборник статей и материалов, Ижевск, 196—223.
- Федотов М. И. 1982, Ворцинский говор бесермянского наречия. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 116—130.
- Munkácsi, B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
- Tarakanov, I. 1963, Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned. — ESA IX, 188—199.
- Toivonen, Y. 1929, Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten. — FUF XIX, 1—270.
- Uotila, T. E. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).
- Wichmann, Y. 1911, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten, besonders im ungarischen und im finnischen. — FUF XI, 173—290.

V. K. KEL'MAKOV (Ustinov)

DIE URPERMISCHEN AFFRIKATEN IN DEN UDMURTISCHEN MUNDARTEN

Das aus dem Urpermischen stammende System der vier Affrikaten (stimmlos *č, *č̣ / stimmhaft *č̣, *č̣̣; velar *č̣, *č̣̣ / palatal *č̣, *č̣̣), die in der phonetischen Struktur der urudmurtischen Wortwurzel eine recht freie Distribution aufweisen, läßt in den heutigen Mundarten zwei entgegengesetzte Entwicklungstendenzen erkennen:

- 1) Die Tendenz der Erhaltung der alten syntagmatischen Besonderheiten und der Steigerung ihrer Verwendungsfrequenz statt der homorganen Frikative (š, ž, ś, ź) (in einzelnen mittleren Mundarten).
- 2) Die Tendenz zur allmählichen Einschränkung der Distribution und Senkung der Frequenz, die letzten Endes zur paradigmatischen Umgestaltung des Systems selbst geführt haben (in allen übrigen Mundarten). Diese Tendenz verlief (sehr vereinfacht vorgestellt) in drei Etappen und fand dementsprechend in den drei Mundartengruppen ihre Widerspiegelung.